

Мурад
АДЖИ

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

Приношение тюрка

ЮБИЛЕЙНОЕ
ИЗДАНИЕ

Мурад Аджи
Великая степь. Приношение тюрка (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8355672
Аджи, Мурад Великая степь. Приношение тюрка: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083821-9

Аннотация

В это юбилейное издание Мурада Аджи вошли три книги автора: «Кипчаки», «Кипчаки, огузы» и «Дыхание Армагеддона». Мурад Аджи более 20 лет исследует историю предшественницы Руси – степной державы Дешт-и-Кипчак. Поразительные результаты исследования вошли в этот сборник.

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Кипчаки	9
Вступление	9
Что есть народ?	11
Почему мы так говорим?	13
Что видно сквозь толщу веков?	15
Открытие, сделанное в тиши кабинета	17
О чем рассказали камни?	19
Первое переселение с Алтая	22
Как открывали Древний Алтай	25
Праздник ели	28
Рисунки Древнего Алтая	29
Как сделали одно выдающееся открытие	32
Скифы – таинственный народ?	34
Подаренное Тенгри	37
Бог Небесный	40
Тюрки в Индии	42
Тюрки в Иране	46
Знаменитый хан Эрке	49
Дороги в степь	52
Великое переселение народов	55
Хан Акташ	59
Идель	62
Кавказ	64
Тюрки и христианство	67
Крест над храмами Европы	71
Тюрки и Византия	74
Коварство императора Константина	79
Битва за Дон	81
Тюрки в Европе	84
Лицемерие Рима	87
Европа начиналась на Алтае	90
Аттила – вождь тюрков	94
Тюрки глазами византийца Приска	97
Битва с объединенной армией Европы	101
Смерть Атилы	105
Новый Дешт-и-Кипчак	107
Кипчаки. Огузы	109
Вступление	109
Европа и тюрки	113
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Мурад Аджи

Великая степь. Приношение тюрка (сборник)

© 2014 Аджи М.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

От автора

Под этой обложкой – три книги, собрать их вместе, казалось бы, невозможно: слишком уж разные у них аудитории. Первые две («Кипчаки», «Кипчаки, огузы») я написал в конце XX века, когда хотел увлечь историей тех, кто вступал во взрослую жизнь – старших школьников. В то же время книги адресовались и взрослым, которые, по моему замыслу, в разговоре с детьми дополнили бы текст собственными воспоминаниями... Словом, очень хотелось возродить семейное чтение, как было в моем детстве, когда прочитанное обсуждали всей семьей или двором. Интересно же!

Третья книга, «Дыхание Армагеддона», появилась много лет спустя. Уже вышли в свет «Мы – из рода Половецкого!», «Полынь Половецкого поля», «Тайна святого Георгия», «Европа, тюрки, Великая Степь», «Кипчаки», «Кипчаки, огузы» а, главное, «Тюрки и мир: сокровенная история». Приверженцам «официальной» истории принять их трудно, но и возразить нечем. Почему? Об этом не раз меня спрашивали читатели, среди которых были и те, кто, по их словам, «вырос на моих книгах». Фантастика какая-то. Но действительно, больше двадцати лет прошло с первой публикации... В голове не укладывалось: «выросли на моих книгах». Поразительно, время не идет, а летит. И куда оно летит? Родилось новое поколение, которому надо рассказывать по-новому, «официальная» история их не устраивает.

И зародилась мысль, написать совсем другую книгу, начав ее с вопросов читателей «нового поколения». Подумал, она дополнит то, что было написано прежде, поэтому вопросы в ней будут не случайны. Так появилась «Дыхание Армагеддона»... В моих книгах весь я. Отсюда общее название сборника «Великая Степь: приношение тюрка». Повествование посвящаю своему народу. Пусть оно станет моим приношением памяти Великой Степи.

Предисловие Освоение Евразии

О, эта теплота и это величие коротких отношений между старинными друзьями! Почему их нельзя применить в общении между живущими рядом народами?.. Почему мы должны заменить их чужим, холодным словом: толерантность? Неужели в наш торгашеский век и тут нельзя обойтись без посредников?

Обо всем об этом думал я, когда в татарском культурном Центре в Москве сидел на юбилейном вечере своего коллеги Мурада Аджи, талантливого писателя и ученого, давнего товарища, земляка по иным – северокавказским краям. Кумыка. Тюрколога. Автора книг, ставших бестселлерами: «Полюнь Половецкого поля», «Тюрки и мир: сокровенная история», «Без Вечного Синего Неба»...

Оглядывал битком набитый большой зал, в котором там и тут мелькали яркие национальные одежды, вслушивался в речь ведущего. Вспоминал. Кого-то из пришедших уже встречал, и теперь радовался новой встрече с ближними к родной Кубани соседями, карачаевцами и балкарцами, сидящими неподалеку от «разноплеменного Дагестана», и знакомыми по казачьему движению калмыкам. Кого здесь только не было! Русские и татары, якуты и кумыки, азербайджанцы и казахи, крымские татары и кыргызы, башкиры и карачаевцы, балкарцы и узбеки (простите те, кого забыл назвать)...

Поискал глазами кузнецких татар, телеутов, рядом с которыми столько лет прожил в Кузбассе, шорцев: а вдруг, вдруг?.. Нет.

Память возвращала в далекую молодость и во времена более близкие... Три десятка лет назад летел я в Улан-Батор, и, когда остались позади хребты Забайкалья, с бьющимся сердцем стал вглядываться в сопки на равнине... Встречавшему меня переводчику попробовал сказать что-то такое: уж больно, мол, похожи на родные кубанские места! А он насмешливо хмыкнул. Ничего, мол, удивительного. Когда к нам прилетал турецкий писатель Азиз Несин, то, спустившись по трапу, он упал на колени, поцеловал землю и со слезами воскликнул: «Наконец-то я – дома!».

Турецкий прозаик – ладно. Я-то причем? Сижу и улыбаюсь. Что это во мне – проявление той самой русской всемирности, о которой писал Достоевский? Или – игра прапамяти?

И где я, действительно, дома? И где – в гостях?!

Вопрос лишний. Мне давно не приходилось видеть такого братства и столько открытой радости, как в тот вечер, у татар. Я радовался вместе со всеми, прежде всего, за своего товарища: путь к признанию не усыпан цветами, но в тот вечер цветы были в обилии у него в руках – не успевал передавать букеты своей жене и первой помощнице Марине...

С Мурадом мы, с разницей в несколько лет, учились в МГУ. Он закончил географический факультет, и это определило круг его интересов и направление персональных маршрутов. С самого начала они были нацелены на восток – в Сибирь.

Мы познакомились заочно, его фамилию я впервые прочитал на научно-художественном издании «Сибирь: XX век». Из книги чувствовалось, рождалась она не за столом московской квартиры, а где-то среди немереных таежных просторов. Так и было: будущий кандидат наук вкалывал в старательской артели «Яна» (по имени северной реки, на которой стоит Верхоянск – полюс холода). Там родилась идея книги.

Через много лет я буду составлять многостраничный сборник рассказов северокавказских писателей «Война длиною в жизнь». Для пережившего недавнюю войну Северного Кавказа название звучало почти провокационно, но придумал его не я, а менять было поздно:

издание уже объявили. Взятся за это непростое дело лишь потому, что увидел, какое духовное богатство остается не только невостребованным – как бы еще и неучтенным.

Открывало сборник крошечное эссе Мурада «Мы говорили на одном языке»: о неразделимом культурном наследии тюрков и славян. Ревнителю чистой «русскости», то есть противнику азиатского подмеса в историю России, объявили меня русофобом... Но я не обиделся, они же не бывали в Сибири. Их служба проходила в пределах Садового кольца, настоящей мужской работы они, похоже, никогда не знали, чем и обделили себя сами.

Мы же с Мурадом «говорили на одном языке» еще и потому, что я встретил в нем Работника с большой буквы. Неутомимого и неумного. Энергичного и бесстрашного. Способного не только на коллективный, артельный труд, но на одиночный опасный поиск. Он доказал это, когда в стране распались привычные связи, а на главное место вышли такие черты характера как личная инициатива и предприимчивость. У него эти качества в избытке. Отнюдь не поиск материальных благ интересовал его.

Одной из найденных в начале пути и осмысленных духовных ценностей предков для Мурада стала философия самоограничения: сведя бытовые затраты к минимуму, он начал писать книги. Знаменитые книги по тюркской тематике, теперь бестселлеры. Их издавали и переиздавали не один раз.

Всего у него более тридцати книг, сотни статей и очерков, включая рассказы для детей. Природная скромность не позволила ему вступить в Союз писателей и тем облегчить свое спартанское существование, Нет, мол, мало сделал. Не готов. А потом и вовсе стало не до того. Так и остался вольным человеком «на вольных хлебах»: писатель знает, что это такое.

Поездки по Сибири и Северу сменились пристальным изучением Кавказа, который когда-то называли вторым Алтаем. Оттуда пути привели его в Казахстан и Иран. И вновь он возвращался в Сибирь, в Якутию и на Алтай, но уже в ином качестве. Из ученого-географа Мурад Аджи стремительно превращался в писателя-востоковеда, тюрколога. Мурад, начавший вместе с поколением, осваивавшим Сибирь, теперь осваивал Евразию. Сибирь ему была тесна.

Не помню, кто кого из нас «вычислил», кто кому позвонил первым. Но точно знаю, что мы уже были рядом, когда началось это громогласно заявленное «возрождение России». И теперь, сидя на его юбилейном вечере в татарском культурном Центре, вдруг поймал себя на неожиданной мысли.

Я со всей определенностью понял: высоко духовный, подвижнический труд моего товарища – одно из реальных достижений культуры современной России.

Несмотря на широкую известность, думаю, его книги еще не прочитаны по-настоящему, общество не осмыслило их: будь иначе, изменилось бы общественное сознание. Но «публичные» люди, словно сговорившись, стараются даже не упоминать Мурада Аджи, делая вид, будто его книг нет. Иначе придется отвечать на вопросы, поставленные автором, а наш нынешний «истеблишмент», к этому элементарно не готов.

Ведь Аджи своим исследованием раздвинул горизонты российской истории сразу на тысячу лет. Не мало – не много. «Наша история началась не в IX веке, не с призыва варягов на Русь», доказывает он. Раньше. Намного раньше. У России великое прошлое, о котором мы просто не знаем.

Как и почему случился этот преступный провал в памяти народа, рассказывают его неожиданные книги.

Испугавшись собственного пафоса и посмеиваясь над собой, долго решал: как подписать этот короткий текст? Указать вслед за фамилией: заслуженный, мол, работник культуры Республики Адыгея. Лауреат премии «Белые журавли» имени Расула Гамзатова, Республика Дагестан. Награжден знаком «Золотой орел» Чеченской Республики. Только зачем это?

Важнее другое. На торжество Мурада Аджи я пришел с еще одним выпускником МГУ, тоже географом, кубанцем Михаилом Плахутиным. Миша – прототип главного героя в моей повести «Русский Мальчик». У него мать – сибирячка, а отец – кубанский казак. Он для меня Русский Мальчик. Так же, как мой старый сибирский друг, татарин Рафик Айзатулов. Знаменитый Рафик Сабирович Айзатулов, так много сделавший для родного нам Запсиба. Он, по его словам, «чистый малай», тоже – Русский Мальчик. И куда больше правды в том, что для меня Мурад Аджи такой же «русский мальчик», как они, то есть свой, настоящий патриот России. Не зря предки говорили: «Верит в Бога, значит, свой». Поди-ка на российских просторах разберись, кто есть кто!

Свою легендарную «Полынь Половецкого поля» Мурад начинает словами: «Эту книгу не надо читать тому, кто не знает пьянящего запаха полыни, будоражащей кровь емшан-травы. И тот, кто в вороном коне не видит гарцующей красоты, а в степной песне – улады сердцу, пусть тоже отложит ее, и он не поймет автора. Пожалуйста, не берите ее и те, кому не интересно прошлое и будущее, кому безразличны предки и потомки. Она не для вас... Своему народу посвящаю».

Прошло более двадцати лет, не устарела ни книга, ни эпитафия. Эту книгу надо читать. Читать, как и другие его книги. Читать и думать. Но не всем! С кондачка ее не возьмешь: она адресована читателю умному, равнодушному, которому знаком запах полыни...

Что такое книги Мурада Аджи? Это книги – прорыв. Книги – натиск. Книги – знак. Книги – знамение. Книги – поучение. Книги – сопротивление. Книги – хаос. Книги – порядок. Книги – колокол. Книги – ловушка. Книги – штурм. Книги – осада. Книги – наказ. Книги – вымысел. Книги – прапамять. Книги – размышление. Книги – совет. Книги – прозрение. Книги – клич. Книги – зов. Книги – фантазия. Книги – дерзание. Книги – пример. Книги – укор. Книги – откровение. Книги – тайна. Книги – отгадка. Книги – плач. Книги – удаль. Книги – поминовение. Книги – боль. Книги – подвиг. Книги – крик. Книги – весть. Книги – протест. Книги – печаль. Книги – скорбь. Книги – радость. Книги – удивление. Книги – степь. Книги – ветер. Книги – спор. Книги – восторг. Книги – ярость. Книги – пример. Книги – засада. Книги – стойкость. Книги – небо. Книги – спокойствие. Книги – выбор. Книги – благодарение. Книги – проект. Книги – памятник. Книги – примирение. Книги – завет. Книги – вызов. Книги – предупреждение. Книги – надежда.

Это самое главное: надежда!

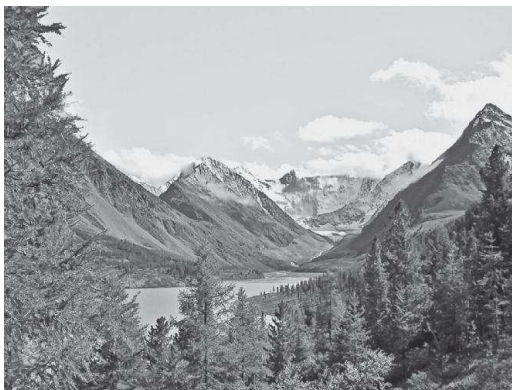
Книги Мурада Аджи проникнуты гордостью за свой народ. Но – без гордыни. И читать их надо не предвзято, без гордыни. Это не счет тяжело больному, это – напоминание о мощных и здоровых корнях нашего общества. Что поделать, хорошее лекарство иногда бывает горьким, как, например, полынь. Но это – та самая емшан-трава, пучок, которой предкам служил сигналом к возвращению на Родину. Книги Мурада Аджи – тоже сигнал, призывающий Россию вернуться к истокам и от них вести свою летопись.

А чтобы вернуться к истокам, надо не просто много читать, но и много размышлять, спорить. Иначе нам не избавиться от умело навязанных российской истории стереотипов. Силу и опыт надо черпать из наследия предков, надо учиться ценить добрососедство, оно – главное, дороже нефти, газа, золота. Об этом говорили на юбилее Мурада Аджи, повторяя мысль, которая красной нитью проходит через его творчество: «Мы – единый народ единой страны».

Гарий Немченко, писатель

Кипчаки

Наша Родина – Степь... ..а колыбель – Алтай

Вступление

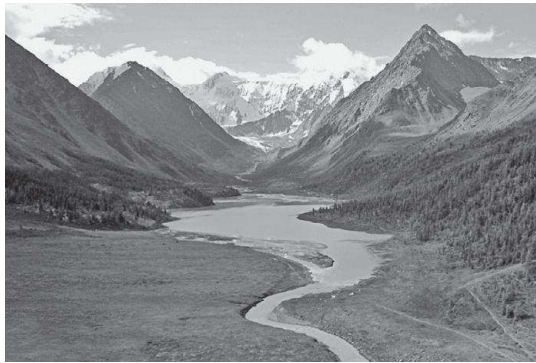
На тюркском языке говорило и говорит очень много людей – миллиарды. От снежной Якутии до Центральной Европы, от Сибири до жаркой Индии. Даже в Африке есть поселения, где звучит тюркская речь. Велик и необычаен тюркский мир. Самые многочисленные в нем – турки. Они живут в Турции, большой стране, известной во всех уголках мира. Известной своим народом, старинными обычаями, высокой и неповторимой культурой. О ней написаны тысячи книг и статей.

А о тофаларах, которых всего несколько сот человек, наоборот, многого не расскажешь. Они малоизвестны. Обитают в глухой сибирской тайге, в двух-трех деревнях. Зато самый древний и самый чистый тюркский язык, возможно, сохранили именно тофалары. Их жизнь веками протекала почти без общения с другими народами. Ничто не засорило их речь.

Действительно, велик тюркский мир... И очень загадочен... Он, как бриллиант, каждая грань которого – народ. Азербайджанцы, алтайцы, балкарцы, башкиры, гагаузы, казахи, караимы, карачаевцы, киргизы, крымские татары, кумыки, татары, тувинцы, туркмены, уйгуры, узбеки, хакасы, чувашаи, шорцы, якуты – всех сразу и не вспомнить.

Десятки народов объединяет тюркский мир, народов родственных и все же особенных. Их речь неповторима, она с особым оттенком звуков и смыслов. Порой одно и то же слово у разных народов имеет совершенно другой смысл. И это нормально! Потому что в этом безграничность тюркского языка, его удивляющая простота и древность.

Но так было не всегда. Когда-то в давние времена тюрки говорили на одном языке, понятном всем. Примерно две тысячи лет назад началось деление их речи на наречия (диалекты), понятные лишь своим. Однако общий язык долго не забывался. На нем по-прежнему общались на базарах и ярмарках, куда съезжались купцы из дальнего далека.

Алтайские горы

Этот общий язык дал начало литературному языку. Поэты и сказители в своих произведениях оттачивали каждое слово, чтобы потом усладить весь тюркский мир. А еще на общем языке говорили государственные чиновники, собирая войска или принимая подати... Целые государства тогда говорили и писали по-тюркски!

Что, именно язык отличает один тюркский народ от другого? Не в многообразии ли языков секрет того бриллианта, который зовется «тюркский мир»?

Увы! Все куда сложнее.

Оказывается, на планете есть народы, которые теперь даже не знают, что они тюрки. И не догадываются об этом... Враги когда-то поработили их и под страхом смерти запретили говорить на родном языке. Вот люди и забыли его. А с ним – забыли предков и все, что было прежде... Они стали беспмятными народами, живут, не ведая о себе, о своем истинном прошлом.

К сожалению, в истории планеты бывало и такое.

Они, эти люди, конечно, лицами по-прежнему похожи на своих предков (по-другому и быть не могло). Именно таковыми стали австрийцы и баварцы, болгары и боснийцы, венгры и литовцы, поляки и саксонцы, сербы и украинцы, чехи и хорваты, бургунды и каталонцы... Едва ли не все они голубоглазые, светловолосые (как древние тюрки!) и – ничего не помнящие. Просто поразительно.

Немало тюрков, забывших родство, есть среди американцев, англичан, армян, грузин, испанцев, итальянцев. И особенно среди иранцев, русских и французов. Они тоже прекрасно сохранили внешность древних тюрков и тоже все напрочь забыли...

Грустная история. К сожалению, ее сделали именно такой – грустной, вернее, недосказанной.

Отдельно в ней стоят казаки – народ не народ, племя не племя. Не поймешь. Их истинную историю тоже скрывают, придумывая ей взамен небылицы. Вот и вышло, что казаки словно затерялись где-то на перекрестке времен: считают себя славянами, но еще не забыли родной тюркский язык. В иных казачьих станицах они по-прежнему говорят (гуторят или балакают) именно на нем. Правда, лукаво называя его не «родным», а своим «домашним» языком!

Я долго пытался понять, почему же так малоизвестен тюркский мир. Случайно ли это?.. Ни один язык не имеет столько оттенков и наречий (диалектов), как тюркский: кровь у людей одна, предки одни, история одна, а языки разные и сами народы получились разные. Почему?

Ответ нашел именно в истории, в туманной глубине веков. Об этом и хочу рассказать. Книга «Кипчаки, или Древняя история тюрков» – начало рассказа. Ее продолжают две другие книги – «Огузы, или Средневековая история тюрков» и «Новая история тюрков».

Что есть народ?

На нашей планете живет много разных народов. Сколько точно? Неизвестно. По одним сведениям, четыре тысячи, по другим – вдвое больше. Трудно сосчитать. Почти невозможно. Потому что до сих пор не установлено, что такое «народ»? Кого можно так называть? Есть разные точки зрения.

Люди лишь на первый взгляд кажутся похожими, но на самом деле это далеко не так. Отличий среди них много, даже чисто внешних. В государствах Африки, например, преобладает чернокожее население, а в Китае – желтокожее, в странах Европы – белокожее.

И все они – обитатели планеты, наши современники.

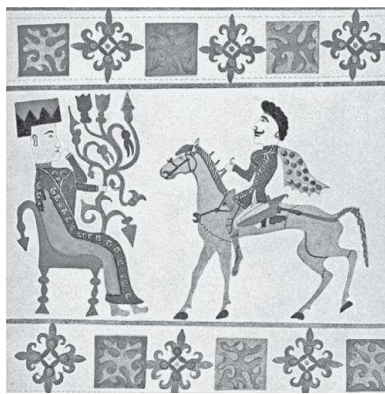
Разумеется, люди различаются не только внешне, но и характером, и поведением, и своим отношением к жизни, к окружающим. Да, в чем-то народы, бесспорно, похожи друг на друга, а в чем-то не похожи вовсе.

Часто народом называют жителей той или иной страны. Скажем, в Азербайджане живет азербайджанский народ. А в Грузии – грузинский.

Значит, сколько стран, столько и народов?

Отчасти – да. У людей здесь общая разговорная речь, всем нравятся одни и те же песни, танцы, праздники, наряды, еда. У них общая религия и история. А главное, что объединяет их, – это чувство Родины. По нему судят и о человеке, и о народе. Родина у всех бывает только одна.

Но в Баку живут и те, кто не знает азербайджанского языка или не считает его родным, кто не называет себя мусульманином. Вот и возникает вопрос, эти люди – азербайджанский народ? Конечно, азербайджанский. Таковы там русские, евреи, грузины.

Правитель (или правительница?) на троне. Фрагмент войлочного ковра с аппликациями. Находка из кургана V–IV вв. до н. э. Алтай

Народ – это не просто жители страны... Люди могут жить в одном городе, даже в одном дворе, но жить по разным обычаям.

Тогда, может быть, обычаи, традиции создают народы? Тоже и да и нет... Народ не группа людей, собравшихся вместе. Нельзя кому-то собраться вместе и назвать себя «народом», не имея общей истории, вернее, не имея общих предков.

Становление народа – процесс очень долгий, вековой. Это настоящее историческое явление, зависящее от очень многих причин. Порой самых неожиданных. Народ, что и плод дерева, зреет положенное ему время. Как? Вот этого как раз никто и не знает.

Еще в глубокой древности люди научились присматриваться друг к другу, наблюдать друг за другом. Постепенно у человечества накапливались знания о бытовых и культурных

особенностях народов, об их взаимоотношениях и различиях. Эти знания много позже сложились в целую науку. Ее назвали **этнографией** («этнос» означает «народ», «племя»), то есть наукой о народах мира.

Появление этнографии не случайно. Давно было замечено, что ссоры и войны внутри одной страны или между соседними странами возникают из-за разногласий. А разногласия порой начинаются с незнания обычаев и привычек соседей. Все люди очень болезненно переносят оскорбление своих традиций, мало кому такое по душе.

Именно поэтому так важны знания по этнографии: они помогают сохранять мир на планете. В них основа дружбы! Иногда требуется всего лишь одно слово или добрый жест, чтобы сосед улыбнулся, понял тебя и протянул руку.

А если один человек улыбнется другому, если поздравит его с праздником, то жизнь у них станет светлее. Вот для чего нужна этнография: она помогает людям правильно жить среди других людей.

– Салам аллейкум, – скажет грузин азербайджанцу.

– Гамарджоба, – ответит ему азербайджанец, показывая уважение к грузинским обычаям.

И Земля потеплеет от их добрых приветствий и улыбок.

Почему мы так говорим?

И все-таки народы мира в первую очередь, конечно же, отличает их речь. Язык и письменность – главное в жизни людей. Как скажешь, так тебя и поймут: слова передают мысли людей.

У каждого народа свой язык, своя речь, своя манера говорить и думать. И это тоже подмечает этнография. А о том, как появились языки, рассказывает легенда, ее сложили в глубокой древности, когда науки еще не было.

В давние-давние времена, утверждает легенда, люди говорили на одном языке. Друг друга понимали без переводчиков. Но однажды случился Великий потоп, от которого спаслись единицы. И дабы не погибнуть от потопа вновь, люди начали в городе Вавилоне строить башню, чтобы по ней подняться на небеса. Это вызвало гнев богов, и они разрушили башню. А чтобы люди не договорились о постройке новой, им смешали языки и рассеяли их по Земле. Каждый народ с тех пор знал только свою речь. Так якобы и появились народы.

Конечно, это всего лишь легенда... Но придумана она не случайно. В ней люди видели объяснение, почему одни племена и народы отличаются от других, почему одни не понимают речь других. И такое объяснение их долго устраивало.

Так выглядел житель Древнего Алтая. Фрагмент вышивки на ковре. I в. до н. э. – I в. н. э. Находка из кургана. Алтай

Если следовать легенде, то какой-то народ оказался там, где высокие горы поросли хвойным лесом, где сияющие реки тонули в хрустальных озерах, где небо самое высокое и самое чистое в мире. Эта земля – Алтай. Самое красивое место на свете. Самое родное.

Что означает слово «Алтай»? Кто-то теперь переводит его как «золотые горы». Но это не так. Древние тюрки понимали его иначе. Землей предков или Божественной землей называли они Алтай, свою, вернее, нашу Родину.

Язык, который звучал здесь еще в древности, был именно **тюркским**. Его одними из первых услышали китайцы.

Именно китайцы первыми записали слово «тюрк» – «тюкю», что на их языке означает «крепкий», «сильный». Так когда-то писали о северных соседях Китая – об алтайцах, которые удивляли всех своей необычной внешностью. Они были светловолосыми и синеглазыми, отличались силой и военной ловкостью.

А еще алтайцев китайские мудрецы называли «теле». Но не всех, а только тех, кто имел «знакомую» китайцам внешность, то есть был темноволосым и кареглазым, как сами китайцы.

Эти подмеченные еще в глубокой древности отличия среди тюрков сохранились поныне. С тех древних пор живет в истории народов слово «тюрк»... Конечно, китайцы услышали его от самих тюрков, но придали ему чуть искаженное звучание. Каждый народ, принимая чужое слово в свою речь, обычно искажает его, делая удобным для собственного произношения...

Выходит, даже звуки разные народы произносят по-разному!

Что видно сквозь толщу веков?

Конечно, для ученых-этнографов сведения китайских летописцев очень интересны. Но полагаться только на них ученым нельзя.

Летописи, словно люди, склонны к преувеличениям. Увы, это действительно так. Даже самый честный человек порой сильно преувеличивает, он, того не желая, ошибается по причине незнания иных деталей события. Особенно когда доверяется слухам.

А древние китайцы писали именно так – по слухам. Они знали о тюрках очень мало, почти ничего. Писали, пользуясь небылицами. Ведь тюрки тогда нагрянули на китайские земли и покорили их. Это вызвало переполох в Китае.

Огромная китайская армия – гордость императорских династий Инь и Чжоу – уступила тюркскому войску. Китай вынужден был подчиниться и платить дань. Видимо, отсюда и появилось это необычное для соседнего народа название – «тюрк», то есть «крепкий», «очень сильный». Иначе говоря, «непобедимый»... А не оправдывали ли так китайцы свое поражение?!

Древние летописи часто содержат очень любопытные сведения о событиях, о людях, о появлении тех или иных названий. Это, конечно, интересно само по себе. Но у науки этнографии есть иные приемы познания.

Так выглядела жительница Древнего Алтая. Реконструкция по черепу мумии, найденному на плато Укок. IV–III вв. до н. э. Алтай

Например, китайцы сообщили об отличиях во внешности тюрков. А как проверить их сведения? На Древнем Алтае, утверждают они, обитали светловолосые и синеглазые люди: по-китайски «тюкю» или «динлины». Людей с такой внешностью, как известно, в самом Китае не было. Один летописец даже написал, что эти тюрки похожи на обезьянок, других сравнений у него просто не нашлось (голубоглазые обезьянки водятся на юге Китая). И удивление чужестранцев понятно: они не видели людей с такими лицами. Поэтому именно ее, внешность, и отмечали древние авторы, когда писали о тюрках.

А о другой части тюркского народа, о «теле», которые жили на востоке Алтая, китайцы писали совсем иначе. Они не обращали внимания на внешность этих людей, потому что она была им привычна... Один народ и два лица?! Да, это так.

Современные ученые блестяще подтвердили правильность наблюдений китайских летописцев. Сделал это выдающийся академик Михаил Михайлович Герасимов. Он по черепам и костям из древних захоронений научился в точности восстанавливать лица и фигуры давно умерших людей. Ему удавались даже малейшие детали портрета.